Татьяна ДЖАНГОБЕКОВА

ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В ПЕРЕВОДАХ А. КУРБСКОГО

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.
Випуск 1 (39) 2018
УДК 811.161 1”367.925(09)
Джангобекова Т.А. Форми минулого часу дієслова у перекладах А. Курбського; 12 стор.; кількість бібліографічних джерел – 20; мова російська

Анотація. Т.А. Джангобекова, дослідник особливостей системи часу дієслів в оригінальних і перекладних текстах, створених А. Курбським в еміграції, у статті «Форми минулого часу дієслова у перекладах А. Курбського» на матеріалі перекладів 4 листів показує оригінальність використаних автором засобів розмежування традиційних (аорист, імперфект, перфект) і нових (*л*-форми) форм минулого часу.

Ключові слова: давньоруська мова, проста мова, система минулого часу, тексти конфесійного змісту, церковнослов’янська мова.

Известно, что принятие в 1569 году Люблинской унии, объединившей Великое княжество Литовское с Польшей и таким образом интенсифицировавшее процесс укрепления польской и католической власти на востоке Европы, способствовало ухудшению положения православных верующих Юго-Запада Руси. Это сказалось на условиях существования ‘руськой’, или ‘простой мовы’, которая в Великом княжестве Литовском была языком не только православной аристократии, но государственного делопроизводства [8, с. 221-224][i]. Последовательно вытесняясь из социальной жизни, ‘проста мова’ все больше уступала место польскому языку. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что в культурном отношении польская шляхта была более образованна. Молодые аристократы присоединённых земель Великого княжества Литовского, следуя её примеру, стали учиться в западных университетах, постепенно забывая родной язык и делаясь равнодушными к родной вере. Заметную роль в этом процессе играло распространение протестантизма и активность иезуитов в воспитании молодежи [1, с. 12-18]. Все перечисленные обстоятельства, по мнению апологетов православия, способствовали «порче православных книг», тем более что книг на «словенском» языке было явно недостаточно, к тому же для них была характерна «общая их неупорядоченность», разногласия и несходство между собой [1, с. 73]. В православных текстах были прямые ошибки, описки и опечатки. В конце XVI века даже в Киево-Печерской Лавре «не находилось полного круга богослужебных книг». Так, А. Курбский, высокообразованный человек своего времени, хорошо знавший светскую литературу и Священное писание, не мог найти и «десятой части книг учителей наших старых» [1, с. 26-28]. Поэтому не случайно, что в атмосфере величайшего духовного и научного подвижничества, каким было издание Острожской Библии, он начинает активную деятельность по переводу текстов конфессионального содержания, тем более что эта деятельность заинтересовала князя ещё раньше, в Ливонии. В первых переводах, выполненных А. Курбским на Волыни, основное место занимали сочинения Иоана Златоуста, а также письма отцов церкви. Принимаясь за переводы, роль связующей нити всего православного мира А. Курбский отводил церковнославянскому языку, считая недопустимым перевод текстов конфессионального содержания на польський язык, который он называл ‘барбарией’, или на «просту мову» [4, с. 470-473]. Цель настоящей статьи – охарактеризовать основные особенности перевода А. Курбским глагольных форм прошедшего времени, зафиксированных прежде всего в письмах отцов церкви. Материалом для данной статьи послужили переводы 4 текстов, а именно: описание чудес при перезахоронении Иоана «**Кои по смр҃ти иѡановѣ содѣлалисѧ**» (1), переводы писем папы Иннокентия Иоану Златоусту (2) и Аркадию (3), а также 14-го письма самого Иоана Златоуста, адресованного диакониссе Олимпиаде (4).

Известно, что исходная система времен древнерусского языка, включающая четыре прошедших времени (аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект), ко второй половине XVI века в живой разговорной речи полностью разрушилась. Одним из первых был утрачен имперфект, который квалифицируют как праславянское образование с неясным происхождением [10, с. 278-279]. Традиционной принадлежностью книжного языка был также аорист, тоже рано разложившийся формально и семантически. С середины XIV века при переписывании и особенно при редактировании книг архаичные прошедшие времена заменялись на бессвязочный перфект, так называемую *л*-форму, сформировавшуюся в живой разговорной речи и ставшую единственной формой прошедшего времени [7, с. 484]. Тем не менее, словоформы

[i] В. Мойсиенко и О. Ника трактуют ‘просту мову’ как общий литературно-письменный язык для украинцев и белорусов [9].

перечисленных прошедших времен, за исключением плюсквамперфекта, с разной степенью частотности представлены во всех проанализированных нами переводах А. Курбского. Сохраняя данный выше порядок расположения текстов, проанализируем особенности использования в них глагольных форм прошедшего времени.

1. В переводе **описания чудес** «**Кои по смр҃ти иѡановѣ содѣлалисѧ**» [2, с. 61-62] зафиксировано 16 книжных форм прошедших времён (аорист, перфект со связкой) и 41 разговорная, так называемая *л*-форма. Наши наблюдения показали, что простые претериты употребляются здесь для выделения 'главных' героев повествования. К их числу в данном рассказе можно отнести искренне верующих – войско клириков-подвижников и ревностных монахов, которые, несмотря на гонения Иоана при жизни, были последователями его учения и теперь стали непосредственными участниками перезахоронения святых мощей учителя. При описании действий и чувств 'главных' героев повествования используются только книжные формы прошедшего времени – формы аориста, включая и сигматический тематический аорист (**не могоша, ѡ(т)падохо(м)**): **Тѣло твое ꙗꙗ привести до на(с), ꙗко с҃нове ѡ(т)цом любѧще во(ж)делѣхом ꙗꙗ и смиренїа достоило к то(и) вещи не приложихо(м) ꙗꙗ досто(и)не ѡ(т) желанїа нашего ѡ(т)падохо(м)**; **И егда многые многых роу(ки) ко подвижению приложен(н)ы были [к гробу], ѡбаче с мѣста двигнути не могоша** [те, кто несли святые мощи]; **Єпистолии таковые были, а є(г)да сове(р)шив плавание ꙗꙗ приплыша** [те, кто перевозил мощи] [2, с. 61]. Только в одном случае две формы аориста используются при обозначении действий 'неглавных' героев повествования: Оуже бо они [родители цесаря] **давно оумроша, в сиротском вѣкоу еще оѡтрочаткомъ ѡставиша** [2, с. 62]. Тенденция к употреблению форм аориста для выделения 'главных' героев повествования нарушается А. Курбским дважды – при описании действий императора Феодосия и патриарха Прокла, которые не входят в число 'главных' героев. Ср.: **Но прокль абие не тако соделаль** (*л*-форма); **Что егда цеса(р) позналь** (*л*-форма), **абие виноу томоу вырозумѣль** (*л*-форма); **с҃ты(и) гробь цр҃ски корабль приꙗль** (*л*-форма) [2, с. 61] // **Изыде** (аорист) **тамо императо(р) и сенот императо(ро)вь**; **Изыде** (аорист) **патриа(р)хь и соу(д)еве...**[2, с. 61].

Следует отметить, что все формы аориста в этом переводе употреблены в соответствии с грамматической нормой исходной системы – «как средство указания на действие (состояние), целиком отнесенное к прошлому и представляемое как единый, нерасчлененный акт» [3, с. 299].

Формы перфекта в данном тексте зафиксированы 6 раз, и только при обращении к адресату, например: **Но ты ѡ(т)че покаꙗнїа ꙗꙗ наоучаль еси, и на(с) прѣѡдолѣль еси, и досто(и)ны(и) казни ѡбра(з) показаль еси** [2, с. 61].

Книжный характер предикативной структуры данного текста усиливается большим количеством причастий: **тоужаще, исполнѧюще, мнимающе, любѧще, последоующе, познавающе, палающе, идоуще, покрывающе, привлачаще, оутвержающе** и др.

Тем не менее, на этом книжном фоне представлена 41 *л*-форма, используемая для обозначения действий 'неглавных' героев повествования, к которым относятся не только император и патриарх, но и сам Иоан Златоуст, а также для описания фонового действия. Например: **наро(д) и цр҃ко(в) ѡ(т)сиро(т)ства свободилсѧ, абие прудко возкипѣло возбурение; Ибо егда было тихое и покоиное по мору плавание; Тогда чоудо нѣꙗко ꙗвиль бг҃ь; Наро(д) блч҃(с)тивы о іѡане тужащее оумл҃ли(л) прокла** [2, с. 61]; **Глють и(ж) ѡн** [Иоан] **тогда** <…> **рекль ми(р) вамь; Ибо тридесѧ и пѧт лѣть трꙗсльсѧ** [земля], **ибо во времꙗ ее ѿ не цр҃ковь траслас А ѡн ѡ том оумл҃лил И божие гром оутѣшїлсѧ** [2, с. 62].

Таким образом, проанализированный перевод А. Курбского показывает механизм включения в книжный язык наиболее характерных особенностей живого разговорного языка (См. также [5], [6]).

2. **Письмо Иннокентия Иоану Златоусту (ѿтвещание иноке"тиа на іѡанову єпистолию до него писа"ꙋ ѡ свои^х беда^х** [2, с. 59-60]). По объему это небольшое произведение – всего 20 строк печатного текста. По содержанию оно сводится к философским размышлениям о жизни и предназначении человека, для которых характерны глагольные формы настоящего времени. Этим предопределяется небольшое количество форм глаголов прошедшего времени. И тем не менее, здесь представлено 6 *л*-форм, которые употреблены для изложения размышлений о духовной крепости испытуемых богом людей: … **толикихь народовь** <…> **искоусных быти, аще бытии терпенїа оукреплꙗлись, и ни единои трудов болезни оустоупили; всѣмь без правды находѧщим, их же аще бы хто терпением не ѡдолѣль, знакь ѡ собѣ злаго мниманиа ꙗвлꙗеть** [2, с. 59]. *Л*-форма встречается и в безличной конструкции (**такь ꙗко достоило**), а также в заключительной части перевода для указания на автора письма: **Сїе иноке(н)ти до бж҃ественнаго іѡана писаль** [2, с. 60]).

Кроме *л*-форм, в данном тексте представлено 2 примера употребления аориста: **всѧко и мы ꙗꙗ еп(с)тл҃и(и) тѣ такь ꙗко достоило, с кириакомь дьꙗкономь до тебе дахо(м), иж бы сопротивникомь не вꙗще возмогла, нежели добраа твоя совесть** [2, с. 59]; **ими(ж) народи**

ꙋчим(м), всѣхь ст҃ы(х) дивне различными ѡбычаи и безпрестанне злыми мꙋчивши(х)сѧ достовѣрнѣ свѣдѣте(л)ствꙋю(т): понеже такь ꙗкобы на соудѣ искоушени, пото(м) такь до ве(н)цꙋ те(р)пениѧ приидоша [2, с. 60]. Характерно, что во втором примере аорист использован для описания действия святых.

3. **Эпистолия папы Иннокентия Аркадию** (**Єпистолиа иноке^н^тиѧ папы кои^м^ аркадиа проклꙗтию подає^т^ неправе^д^нагора^ан^ заточениа, іѡана златаоустаго оучлꙗ вселенней** [2, с. 60-61]) является размышлением о морали, т.е. её содержание тоже связано с философскими вопросами. Иннокентий полемизирует с Аркадием, проклиная его за несправедливое заточение Златоуста. Как и в предыдущем письме, в данном тексте представлено небольшое количество форм прошедшего времени. Мы зафиксировали 4 перфекта и 12 примеров употребления -*л*-форм. Формы префекта здесь используются для обращения к адресату и оценки его деяний, совершенных в прошлом. Например: **Гла(с) брата моего іѡана вопиет на тꙗ ѧ҆ѧ а не толико то еси соделалъ, но во времꙗ миро҃ꙋ гонение великое проти(в) бг҃оу и цр҃кви его возбудилосѧ. Изгна(л) еси ѡ(т) пр(с)тола его ѧ҆ѧ и вкоупе с ним х(с)а изгониль еси; А҆раскаа его же есте на мѣсто великаго іѡан(н)а на пр(с)тле еп(с)пко(м) посадили, и по ст҃рти властию моею свꙗзоꙋю, вкоупе со всеми еп(с)пы иж волею с нимь сообщили(с)** [2, с. 60].

Во всех других случаях употребления глаголов прошедшего времени представлены -*л*-формы: **Понеж не едина цр҃ковь паденїе поꙗла; И аще блжен(н)ы іѡань живота лишень, вѣрꙋ сохрани(л) ѧ҆ѧ и бесмертнаго живота полоꙋчиль новаѧ далида ѧ҆ѧ коꙗ потихо тебе престоупленіѧ и прельщениа бритвою ѡбрила проклꙗтие ѡ(т) многыхъ оуст собѣ навела** [2, с. 60]; **Сїе иноке(н)ти заборꙗщесѧ иѡана писаль**... [2, с. 61]; и др.

Все вышеописанные тенденции употребления А. Курбским книжных форм прошедшего времени (аориста и префекта со связкой) и -*л*-формы зафиксированы нами также в епистолиях Иоана Златоуста папе Иннокентию и Кириаку-изгнанцу, исследование которых будет включено в нашу другую публикацию.

Таким образом, в анализируемых переводах А. Курбского формы аориста употребляются в традиционном значении в соответствии с грамматической нормой исходной системы. Являясь признаком книжного стиля, они в то же время имеют дополнительную функциональную нагрузку – выделяют 'главных' героев действия, а также разграничивают субъектов повествования. В отличие от простых претеритов, ни одна из выявленных форм перфекта со связкой в анализируемых переводах не употребляется в исконном значении. Их функцию можно определить как средство обращения к адресату (ср. характерное для древнерусских текстов употребление перфекта в диалогах). В нашем материале во всех случаях глагол-связка служит указанием на лицо. Для всех проанализированных текстов характерно доминирование -*л*-формы, зафиксированной преимущественно в значении аориста и имперфекта. Именно это доминирование составляет главную особенность системы форм прошедшего времени в переводах А. Курбского.

4. Особенности употребления форм прошедшего времени, представленных в переводе послания Иоана Златоуста к Олимпиаде (**Иже во сты^х^ ѿца нашего іѡана златаоустаго патрїа^р^ха ко^н^ста^н^тинаграа^д^. послание ко али^м^пиадѣ дꙗконисѣ** [2, с.72-76]), выпадают из той системы, которая установлена для 3-х предшествующих переводов. Это проявляется прежде всего в том, что из 121 формы глаголов прошедшего времени 119 относятся к числу книжных, причём явно преобладают простые претериты: 66 единиц, или 54,5%, составляют формы аориста, 35,5% (43 единицы) в этой системе приходится на формы имперфекта. Перфект представлен всего 9 примерами (7,4%). Выявлена также одна форма плюсквамперфекта в исконном значении предпрошедшего времени: **Что рыдаеши ѧ҆ѧ и казни прие(м)леши, которые врази твои ѧ҆ѧ наложити тобѣ возмогли быша** [2, с. 72]. Доля *л*-форм ограничивается 2 примерами: **но прилоꙋчило(с) ѧ҆ѧ бы(ти) диѡскороꙋ здѣ и(ж) и в кесарию посла слоꙋгоꙋ своего** [2, с. 75-76]; **но ожидаше исхо(д) нашь не вѣм что сѧ изволило емоꙋ** [2, с. 73].

4.1. Обращает на себя внимание тот факт, что формы аориста и имперфекта практически повсеместно употребляются в традиционном для древнерусского книжного языка значении. Как отмечалось выше, аорист указывал на действие (состояние), целиком отнесенное к прошлому и представляемое как нерасчлененный акт [3, с. 299], а имперфект использовался для описания событий, относящихся к определенному периоду прошлого, на которых необходимо сосредоточиться [3, с. 301]. Следует отметить, что в данном тексте употребляются преимущественно стяжённые формы имперфекта: **И азь си(ж) видѧхъ** (стяженная форма) **ничто(ж), но изше(д)ши к намь, сиа ꙋбо сокрываше ѿ на(с),** [2, с. 74]; **А҆з же сиа слышах ѿ сих оубо єдіно ѡжидах, но сопротивнаѧ помышлꙗх** (стяженная форма) **в себѣ ѧ҆ѧ ничтож ѿ сих глагола(х). поздѣ никогда, придо(х) в кесарию** [2, с. 73]; **и сиа епархові слоꙋгы слышавшее прибѣгоша к намь, и молꙗхоꙋ** (стяженная форма) **и мили(с) дѣꙗхоꙋ, гл҃юще** [2, с. 74].

Более архаичные нестяженные формы имперфекта зафиксированы только от глагола *быти* – **бѣꙗх, бѣꙗхоꙋ:** [полк иночествующих] **предсташа храминѣ идѣже бѣꙗх азь** [2, с. 74]. В

одном случае формы стяженного и нестяженного имперфекта являются однородными сказуемыми: **конѣц помалоу недоу(г) и** [2, с. 73].

Выше указывалось, что раньше всего из исконной системы прошедших времен выпадают формы имперфекта. Одним из наиболее ярких показателей разрушения системы простых претеритов является совпадение основ имперфекта и аориста. В этой ситуации формы имперфекта можно квалифицировать только по окончаниям: **ожидаше, оскудѣва-ше, престаꙗ-ше, сокрыва-ше; належа-(х)у, навѣща-хоу, оупокоева-(х)у.** В тех случаях, где окончания совпадают (**глагола(х), слышах, ѡжидах** – 1 л. ед. ч.), разграничение простых претеритов вызывает определенные затруднения, однако формы аориста, которые имеют основы, совпадающие с основами инфинитива (**предста-ша предста-ти; избави избави-ти**), обычно определяются однозначно.

В анализируемом тексте есть два примера употребления глагола-связки при простых претеритах: **Єсма же оубо видѣхь, ꙗко помалоу злоє ско(н)чеває(т)сѧ** [2, с. 73]; …**к си(м) же николи(ж) оупова(х) є(с)ма оубо хотѣхом входити в ѩ страну** [2, с. 73]. Именно такие формы являются убедительным доказательством разрушения системы простых претеритов.

В анализируемом тексте имеются примеры сигматического тематического аориста – наиболее позднего типа данного претерита: **поздѣ никогда, придо(х) в кесарию** [2, с. 73]; **и сиа епархові слоугы слышавше привѣгоша к намь** [2, с. 74]. Зафиксированы случаи употребления аориста от имперфектной основы: **и сиє ис тои паки поустости бѣ. и ни єди(н) тоу сы(и), ни єдинь помагаѧи, всѣ оубо на(с) оставиша** [2, с. 75].

Органичность бытования в тексте форм аориста подтверждается также тем, что они представляют все словоизменительные классы глаголов: I (**внидох**), II (**воздвиже**), III (**посла**), IV (**сотвори(х)**) и нетематический V (**бы(ст), бѣ**). Формы имперфекта зафиксированы от глаголов трех классов: III (**оскудѣваше**), IV (**твор#(х), глаголаше**), V (**бѣꙗхоу**).

4.2. Как указывалось выше, перфект в данной письме представлен 9 примерами. Структура этих форм соответствует древнерусской книжной традиции (форма настоящего времени от вспомогательного глагола *быти* и форма причастия действительного залога прошедшего времени на *-лъ* от спрягаемого глагола), чего нельзя сказать о грамматическом значении. В исходной системе перфект обозначал «состояние, наблюдающееся в момент речи и являющееся результатом совершенного в прошлом действия» [3, с. 306]. Обращают на себя внимание особенности функционирования перфекта в данном тексте. Известно, что в древнерусских памятниках перфект употреблялся преимущественно в прямой речи. Письмо тоже можно рассматривать как разновидность прямой речи. Ср.: **И толикѹ мучите(л)ству печали вдала еси душоу свою, писаниѧ бо, ꙗ(ж) патрикием нам прислала еси, сицево показаша ꙗвлениѧ разоума твоего ѩ Сиє оубо рекла еси возметающи ѩ Что бо ѡпечали тꙗ, или зане ѿ коукоуса не возмогла преселити на(с) еси** [2, с. 72]. Однако в анализируемом тексте мы обнаружили такую особенность, которая не встречалась в других переводах писем, – закрепление глагольных форм за определёнными лицами, т. е. использование грамматических форм для разграничения действующих лиц. Ср.: **Сиа зрѧщи добраѧ селевкиѧ г(с)дна моего роуфина свободнаѧ. Ибо зело на(с) покоила є(ст) и оутѣшила. И та(к) молила є(ст) на(с) ѩ и посла с нами члка; егда бо разумѣ фаретии еп(с)пь, и заповѣда селевки ꙗкоже заповѣда многыми преще(н)ми. поне(ж) во своє(м) прегради приала есть на(с) ѩ сиа убо сокрываше ѿ на(с), сказа же строителю своемоу тамо соущоу** [2, с. 74]. В приведенных примерах все формы перфекта обозначают действия, имеющие отношение к Селевкии. Аорист же связан с другим действующим лицом – с Фаретием.

Таким образом, в исследованных переводах А. Курбского не только отражено сосуществование старых и новых явлений в системе глагольных форм прошедшего времени, характерное для книжного языка XVI в., но и намечены тенденции к нормализации употребления этих форм в тексте. Переводчик хорошо чувствует пульс живой разговорной речи и, стремясь сохранить лучшее из книжного наследия, использует разные варианты соединения этих зачастую трудно совместимых форм. Отталкиваясь от системы книжных форм, А. Курбский подбирает разные варианты включения в книжный язык так называемых *л*-форм, уже ставших достоянием живой разговорной речи. Количественные колебания этих форм в разных переводах подчёркивают трудности выработки механизма соединения книжного и разговорного в преддверии зарождения литературного языка нового типа.

Литература

1. Архангельский А. С. Очерки из истории западнорусской литературы XVI-XVII вв. – М.: Университетская типография, 1888. – 305 с.
2. Архангельский А. С. Борьба с католичеством и умственное пробуждение Южной Русі к концу XVI в. / Архангельский А. С. – М., 1888. – С. 1-136.

3. Архангельский А. С. Очерки из истории западнорусской литературы XVI-XVII вв. Борьба с католичеством и западнорусская література конца XVI – перв. пол. XVII в. Приложение. / Архангельский А. С. – М., 1888. – С. 1-166.
4. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов / Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. – М.: Высш. школа, 1981. – 359 с.
5. Грушевський М.С. Історія України–Руси : в 11 т., 12 кн. / Грушевський М.С. – К.: Наукова думка, 1995. – Т. 6.
6. Джангобекова Т.А. Текст как объект истории литературного языка // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Випуск 14 / Джангобекова Т.А. – Ужгород, 2006. – С. 114-120.
7. Джангобекова Т.А., Устюгова Л.М. Андрей Курбский как переводчик // Славянские языки и культуры в современном мире. III Международный научный симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 23-26 мая 2016 г.) / Составители О.Д. Дедова, Е.В. Петрухина, Л.М. Захаров; Под общим руководством проф. М.Л. Ремнёвой / Джангобекова Т.А., Устюгова Л.М. – М.: МАКС Пресс. – С. 254-257.
8. Колесов В.В. История русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. высш. учеб. заведений / Колесов В.В. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 672 с.
9. Мозер Михаэль. Что такое «проста мова»? / Мозер Михаэль. – Studia Slavica Hung. 47-3/4 (2002). – С. 221-260.
10. Мойсієнко Віктор, Ніка Оксана. «Проста мова» в Україні та Білорусі / Віктор Мойсієнко, Оксана Ніка [электронный ресурс]. – Режим доступа :
11. http://eprints.zu.edu.ua /9625/1/Проста_мова_в_Україні_та_Б.pdf
12. Хабургаев Г.А. Старославянский язык. Учеб. пособие для студентов пед. ин-та. / Хабургаев Г.А. – М., «Просвещение», 1974. – 432 с.

Источники фактического материала

1. **Описания чудес Кои по смр҃ти иѡановѣ содѣлалисѧ** [2, с. 61-62].
2. **Ѿтвещание инокеⷩтиа на іѡановꙋ епистолию до него писаⷩꙋ ѡ своиⷯ бедаⷯ).** [2, с. 59-60].
3. **Єпистолиа инокеⷩтиѧ папы коиⷨ аркадиа проклꙗтию подаеⷮ неправеⷣнаго раⷣи заточениа, іѡана златаоустаго оуч҃лꙗ вселенней** [2, с. 60-61].
4. **Иже во стыⷯ ѿца ншего іѡана златаоустаго патрїаⷬха коⷩстаⷩтинаграⷣ. послание ко алиⷨпиадѣ дьꙗконисѣ** [2, с. 72-76].

Татьяна ДЖАНГОБЕКОВА

ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В ПЕРЕВОДАХ А. КУРБСКОГО

Аннотация. Т. Джангобекова, исследовавшая особенности системы времён глагола в оригинальных и переводных текстах, созданных А. Курбским в эмиграции, в настоящей статье на материале переводов 4 писем показывает оригинальность используемых автором приёмов разграничения традиционных (аорист, имперфект) и новых (*л*-формы) форм прошедших времён.

Ключевые слова: древнерусский язык, ‘проста мова’, система прошедших времён, тексты конфессионального содержания, церковнославянский язык.

Tatiana DZHANGOBEKOVA

FORMS OF PAST TIME IN THE TRANSLATED TEXTS BY A. KURBSKY

Summary.T. Dzhangobekova, who studied the features of time system in the original and translated texts created by A. Kurbsky in the period of emigration, by using the translation of four letters in this article, shows the originality of methods to differentiate between the traditional (aorist, imperfect), and new (-*l*-forms) forms of past time, which are used by the author.

Key words. Old Russian language, Simple language, system of past time, texts with the confessional contents, Church-Slavonic language.

Стаття надійшла до редакції 20.07.2018 р.

© Джагонбекова Т.А., 2018

Джангобекова Тетяна Анатоліївна – вчитель зарубіжної літератури ЗОШ № 51, м. Львів; випускниця аспірантури філологічного факультету Ужгородського університету, науковий керівник – д.ф.н., професор кафедри слов'янської філології УжНУ Л.М. Устюгова.